

Etes vous malade? y-a-t-il quelqu'un de malade dans la famille? Je le crains. On m'a dit quelque chose de semblable. Dans la semaine prochaine j'attend votre réponse, qui j'espère sera non moins longue que ma lettre et certainement mieux écrite, car je crains bien que vous ne sachiez déchiffrer ce barbouillage. Adieu, chère amie, peut-être, si Dieu veut me récompenser, je parviendrai à avoir un semestre, et alors je serai toujours sûr d'une réponse telle-quelle. Saluez de ma part tous ceux qui ne m'ont pas oublié!

Tout à vous *M. Lermantoff*.

Переводъ. Уже давно я не писалъ къ вамъ, милый добрый другъ, и не получалъ извѣстiя ни объ вашей милой особѣ, ни обо всѣхъ вашихъ. Надѣюсь же, что поэтому вы не замедлите отвѣтомъ на это письмо. Пошлая фраза, скажите вы, и ошибаетесь. Вѣдь вы убѣждены, что письма ваши доставляютъ мнѣ великое удовольствiе; оттого-то вы и употребляете молчанiе вмѣсто наказанiя; я его не заслуживаю, потому что постоянно объ васъ думалъ. Вотъ доказательство: я просился въ полугодовой отпускъ, мнѣ отказали; на двадцать восемь дней—отказано; на четырнадцать дней,—великий князь опять отказалъ. Все это время я надѣялся васъ видѣть. Попытаюсь еще разъ; дай Богъ, чтобъ удалось.—Надо вамъ сказать, что я несчастнѣйшiй человекъ, и вы мнѣ повѣрите, узнавъ, что я ежедневно ѣзжу по баламъ: я пустился въ большой свѣтъ. Въ теченiе мѣсяца на меня была мода, меня искали на перерывѣ. Это покрайней мѣрѣ искренно. Весь народъ, который я оскорблялъ въ стихахъ моихъ, осыпаетъ меня ласкательствами; самыя хорошенькiя женщины просятъ у меня стиховъ и торжественно ими хвастаются. Тѣмъ не менѣе мнѣ скучно. Я просился на Кавказъ, отказъ: не хотятъ даже допустить, чтобъ меня убили. Можетъ быть эти жалобы покажутся вамъ не искренними. Можетъ быть вы найдете страннымъ, искать удовольствiй и скучать ими, ѣздить по гостиннымъ, не находя тамъ ничего занимательнаго. Ну, я вамъ открою мои побужденiя. Вы знаете, что самый главный мой недостатокъ—суетность и самолюбiе; было время, что я, какъ новичекъ, искалъ доступа въ это общество,

аристократическiя двери были для меня закрыты; теперь въ это же самое общество я вхожу уже не искателемъ, а человекѣмъ взявшимъ съ бою права свои. Я возбуждаю любопытство, меня ищутъ, всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанiя; дамы съ притязанiями собираютъ замѣчательныхъ людей въ своихъ гостинныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что вѣдь я тоже левъ, да я, вашъ Миша, добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы. Согласитесь, что все это можетъ опьянать; къ счастью меня выручаетъ природная моя лѣтность, и мало по малу я начинаю находить все это довольно невыносимымъ. Эта новая опытность полезна, она мнѣ дала оружие противъ этого общества, которое непремѣнно будетъ меня преслѣдовать своими клеветами, и тогда у меня есть въ запасѣ средство для отмщениа: вѣдь гдѣ-нибудь встрѣчается столько низостей и странностей какъ тутъ. Увѣренъ, что вы никому не передадите моего хвастовства; вѣдь тогда меня сочтутъ чрезвычайно смѣшнымъ человекѣмъ; съ вами я говорю какъ съ своею совѣстiю. Оно же очень прiятно изъ подтишка смѣяться съ человекѣмъ, готовымъ всегда раздѣлять ваши чувства, смѣяться надъ предметами, которыхъ глупцы такъ ищутъ и которымъ такъ завидуютъ. Вы мнѣ напишите, неправдали? Вы мнѣ не писали вѣрно по какой нибудь важной причинѣ. Здоровы ли вы? вѣтъ ли у васъ больныхъ въ домѣ? Боюсь, мнѣ что-то такое говорили. На слѣдующей недѣли жду вашего отвѣта, и надѣюсь, что онъ будетъ не короче моего письма, и ужъ навѣрно лучше написанъ. Боюсь, что не разберете моего марамя. Прощайте, милый другъ; можетъ быть, если Богу угодно будетъ наградить меня, я получу полугодовой отпускъ, и тогда во всякомъ случаѣ дождусь положительнаго отвѣта. Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Весь вашъ и пр.

Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ.

(Изъ недавнихъ записокъ).

26 Декабря (1854) я сидѣлъ у Г., съ которыми жилъ на одномъ дворѣ. Часовъ около 4 послѣ обѣда меня неожиданно вызвали. Алексѣй Пе-

тровичъ Ермоловъ прислалъ человѣка, звать меня къ себѣ. Хотя тотчасъ я догадался, что вѣрно есть письмо или посылка отъ Б. (*), но этотъ зовъ взволновалъ меня, тѣмъ болѣе, что вчера (***) за холодомъ и усталостью, я не съѣздила поздравить Ермолова, предоставляя себѣ исполнить эту обязанность въ Новый годъ. Было ровно 5 часовъ, когда я шелъ по темной лѣстницѣ и пустыннымъ комнатамъ Пречистенскаго дома, гдѣ *никнетъ главою мѣровой* славный нашъ полководецъ. Направо изъ большаго коридора ввели меня въ кабинетъ его. Онъ недавно отобѣдалъ, сидѣлъ накупившись за широкимъ столомъ своимъ, съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ, и разблралъ какое то письмо. «Здравствуйте, милостивый государь! прошу покорно садиться. Я не рѣшился бы васъ беспокоить, если бы графиня N. N. не приказала мнѣ» — проговорилъ онъ мнѣ съ обыкновенною своею учтивостью. Я отвѣчалъ, что мнѣ много чести въ этомъ, и что я очень благодаренъ графинѣ, доставившей мнѣ случай видѣть его высокопревосходительство. «Она прислала съ моимъ сыномъ письмо къ вамъ и написала, чтобы передать изъ рукъ въ руки». Тутъ онъ мнѣ подалъ письмо, придвинулъ свѣчки и сказалъ, чтобы я читалъ, и что можно, прочелъ бы въ слухъ. Нѣсколько смущенный, я старался читать скорѣе; но онъ самъ по прежнему взялся за увеличительное стекло. Пробѣжавъ письмо, на вопросъ его, нѣтъ ли чего новаго, я прочелъ вслухъ то, что сообщала N N о твердомъ намѣреніи Государя отстаивать Россію, хоть бы пришлось на Москвѣ и на Уралѣ, и о рвеніи молодыхъ великихъ князей (***). —

(*) Я былъ представленъ А. П. Ермолову, лѣтомъ 1834 года, на дачѣ у гр. Б. Желая имѣть поводъ ближе познакомиться съ нимъ, я просилъ гр. Б. помочь мнѣ, и она была столько обязательна, что нарочно прислала Ермолову письмо ко мнѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ вызвалъ меня для полученія этого письма.

(**) На праздникъ Рождества Христова.

(***) Ихъ императорскія высочества, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи отпра- влялись тогда подѣ Севастополь.

Онъ замѣтилъ, что лѣтвіе экипажи уже отправлены для нихъ впередъ въ тѣ мѣста, гдѣ прекращается санной путь. — Не помню, какъ-то, послѣ минутнаго молчанія (которое меня бѣсило, ибо я боялся, что придется мнѣ раскланиваться и оковчить эту дорогую бесѣду), зашла рѣчь о вчерашнемъ днѣ. Онъ сказалъ, что видѣлъ мое имя на росписномъ листѣ, но чтобы я извинилъ его, что онъ въ большіе праздники пикого, даже и родственниковъ, не принимаетъ, зная, какъ тяжелы минутные визиты, что добраго знакомаго пріятнѣе ему видѣть за просто и проч. Я не зналъ, что подумать: искусный ли это упрекъ, или можетъ быть онъ ошибся и принялъ за мое имя кого нибудь другаго. Говоря о вчерашнемъ днѣ, я упомянулъ о плавномъ гулѣ большаго Ивановскаго колокола, и его замѣткой о томъ, что Наполеонъ нарочно заставлялъ въ Москвѣ звонить въ колокола, наслаждаясь ихъ звуками, завязался разговоръ. Алексѣй Петровичъ сталъ вспоминать сдачу Москвы. Онъ проѣхалъ изъ Дорогомилловской во Владимірскую заставу позднѣе всѣхъ, потому что, когда проходила армія, онъ оставался на Дорогомилловскомъ мосту, дожидаясь Милорадовича, командовавшаго арьергардомъ, дабы передать ему нѣкоторыя приказанія Кутузова (при которомъ онъ былъ начальникомъ штаба). Онъ видѣлъ въ Москвѣ отъѣзжающіе экипажи, въ церквахъ еще попадались люди. Кутузова онъ нагналъ уже за Владимірской заставой. Тамъ, вечеромъ, они услышали взрывъ, раздавшійся въ Москвѣ. Тутъ Ермоловъ вспомнилъ слова, сказанныя Ростопчинымъ поутру того дня, на совѣщаніи въ Филахъ. Графъ Федоръ Васильевичъ говорилъ генераламъ: «Напрасно заботятся о Москвѣ: изъ нея все вывезено. Непрiятель найдетъ въ ней французскія вина, богатую мебель, и ничего для арміи. Все драгоценное спасено. Да при томъ же она скоро *завылаетъ*». — Ростопчинъ сопровождалъ главную квартиру нѣсколько времени. Въ лагерѣ подѣ Тарутинымъ Ермоловъ заслушивался его умныхъ рѣчей. — Тутъ мы вспомнили о Жуковскомъ, и Ермоловъ замѣтилъ о томъ, что онъ помогалъ Скобелеву писать бюллетени, и по своей скромности дозволилъ ему пользоваться незаслуженною славою. Андрея Кайсарова, который завѣдывалъ пѣхотною типографіею фельдмаршала, онъ не помнитъ, а называлъ брата его Паи-

сія, который былъ любимцемъ Кутузова. Последній, по словамъ Ермолова, цѣнилъ Жуковского за его сочиненія.

Тутъ я замѣтилъ о томъ, что великіе наши полководцы отличались образованіемъ. «Да, отвѣчалъ онъ, нынче все говорятъ про университеты; они не были въ нихъ, а исполнены были обширныхъ познаній». Особенно хвалилъ онъ князя Репнина, при которомъ служилъ въ Ригѣ, и Михаила Ѳедотовича Каменскаго. Онъ помнитъ, какъ разъ побѣдѣвъ къ нему въ Сатурово (12 верстъ отъ Орла, они были сосѣди); съ отцомъ своимъ, онъ засталъ его за поюитромъ: фельдмаршалъ читалъ новое математическое сочиненіе (кажется, Десори) и повѣрялъ алгебраическія его выкладки. При этомъ Каменскій отличался необыкновенною скромностью. Никогда не скажетъ: *я знаю*; по его *кажется* было Евангельскою истиною.

Разумѣется, разговоръ зашелъ и о Суворовѣ. Алексѣй Петровичъ, начавшій службу, при Репнинѣ, поступилъ къ Суворову въ 1794 г. и за взятіе Праги получилъ георгиевскій крестъ. Онъ еще прежде рассказывалъ мнѣ, какъ въ Варшавѣ Суворовъ принималъ новопоступившихъ офицеровъ въ великолѣпныхъ покояхъ Примаса, въ которыхъ велѣлъ выставить окна. Былъ страшный морозъ, и Суворовъ говорилъ, что онъ вымораживаетъ изъ нихъ *немоунайство*. Суворовъ сдѣлалъ для нихъ обѣдъ: поставлены были какія то глубокія чашки съ отвратительными щами; потомъ подали ветчину,—въ конопляномъ маслѣ. Никто не смѣлъ отказываться, и все ѣли, потому что фельдмаршалъ самъ безпрестанно похваливалъ. По взятіи Праги, Ермоловъ поѣхалъ въ отпускъ и былъ на прощаніи у Суворова. Когда Ермоловъ упомянулъ, что поѣдетъ на Гродно (гдѣ была главная квартира Репнина), Суворовъ не утерпѣлъ, чтобы не затронуть Репнина. «Ты не застанешь его въ городѣ, онъ разѣзжается передъ фронтомъ». Это была извительная насмѣшка: въ то время какъ взята Прага, Репнинъ только чванится своимъ саною и показываетъ себя солдатамъ.—Суворовъ былъ непримиримымъ врагомъ Репнина. По словамъ Ермолова Репнинъ по великодушію прощалъ его, но Суворовъ не былъ къ тому способенъ.—Какъ то заговорили о зятѣ его Зубовѣ, и Ермоловъ отозвался о его ничтожествѣ, замѣтивъ, что Суворовъ прочилъ дочь любимому

своему полковнику Золотареву, погибшему на штурмѣ Измаила. Отдавая дочь свою за Зубова, Суворовъ не искалъ протекціи: она уже была не нужна ему. Ермоловъ съ увлеченіемъ говорилъ о великомъ нашемъ героѣ. «Написать его исторію никто не можетъ; его характеръ ускользаетъ отъ описанія. Фуксъ приставленъ былъ къ нему въ согласіи, и черезъ нѣсколько дней, побѣжденный его величіемъ, предался ему навсегда». Ермоловъ очень часто видался съ Фуксомъ. По его словамъ, очень многихъ анекдотовъ Фуксъ не рѣшился обнародовать. У Ермолова лежатъ 4 фоліанта копій съ переписки Суворова съ разными лицами, данныя ему для прочтенія.

Упомянувъ о томъ, что во время своего пребыванія въ Спб. послѣ взятія Праги, Суворовъ отлично принималъ въ Таврическомъ дворцѣ Державина, я завязалъ разговоръ про нашихъ поэтовъ, и мало по малу довелъ до Пушкина. Я весь былъ вниманіе, когда наконецъ зашла о немъ рѣчь. «Конечно бесѣда его была занимательна?» — «Очень, очень, очень!» отвѣчалъ съ одушевленіемъ Алексѣй Петровичъ. Онъ видѣлся съ нимъ въ Орлѣ, вскорѣ послѣ своей отставки. Пушкинъ самъ отыскалъ его. «Я принималъ его со всею должнымъ ему уваженіемъ». О предметѣ своихъ разговоровъ съ нимъ Ермоловъ не говорилъ. Онъ утверждаетъ, что это было въ Іюль 1827 года; но я не знаю, зачѣмъ Пушкину быть тогда въ Орлѣ. Не въ 1829 ли? проѣздомъ на Кавказъ? Больше они не видались. Какъ хорошъ былъ сребровласый герой Кавказа, когда онъ говорилъ, что поэты суть гордость націи. Съ какимъ сожалѣніемъ онъ выразился о ранней смерти Лермонтова! «Ужъ я бы не спустилъ этому NN. Если бы я былъ на Кавказѣ, я бы спровадилъ его; тамъ есть такія дѣла, что можно послать, да вынудивши часы считать, черезъ сколько времени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы законнымъ порядкомъ. Ужъ у меня бы онъ не отдѣлся. Можно позволить убить всякаго другаго человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ людей не скоро дождешься!» И все это сѣдой генералъ говорилъ, по своему слегка притопывая ногою. На мои глаза онъ былъ истинно прекрасенъ. Это слоновое могущество, эта неповоротливая шея съ шалашомъ сѣдыхъ волосъ; и этотъ умъ, это одушевленіе на

78 году возраста! Передо мною сидѣлъ человекъ, бравшій съ Суворовымъ Прагу, съ Зубовымъ ходившій къ Дербенту, съ Каменскимъ осаждавшій Турецкія крѣпости, одинъ изъ главныхъ бойцовъ Бородина и Кульма, гроза Кавказа. И послѣ этого говорите противъ Екатерининскаго вѣка. Онъ его чадо!

Алексѣй Петровичъ какъ будто самъ былъ доволенъ разговоромъ. При прощаніи онъ сказалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ привѣтствій....

Пушкинъ у А. П. Ермолова *).

«Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орель и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я пришелъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего—простаго, набожнаго старика, что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ припалъ меня съ обыкновенною своею любезностью. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные, сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ, голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка неприят-

(*) Этимъ рассказомъ о посѣщеніи Ермолова начинается рукопись извѣстнаго Путешествія въ Арзрумъ, — любопытная страница, которая у насъ до сихъ поръ не была въ печати. Ермоловъ незадолго передъ тѣмъ получилъ отставку отъ командованія войсками. Нельзя не обратить вниманія на то, что Пушкинъ, ѣдучи на Кавказъ, нарочно дѣластъ 200 верстъ крюку, чтобы только увидать Ермолова, съ которымъ онъ не былъ кажется до того знакомъ. Это не мѣшало ему цѣнить и уважать Паскевича. Выраженія *Ерихонскій*, *Ерихонцы* почему то у насъ употребляются въ насмѣшку. Въ одѣ Державина на Счастіе говорится про подъячыхъ:

Въ тѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
Не съютъ, но лишь жуютъ червонцы.

О Грибоѣдовѣ (родственникѣ Паскевича) Ермоловъ отзывался пристрастно. «Когда онъ служилъ при мнѣ—говаривалъ Ермоловъ, то могъ отлучаться на 3 п на 4 мѣсяца: я не чувствовалъ его отсутствія. Онъ, какъ Державинъ, не былъ способенъ ни на какое важное дѣло».

ная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительнo напоминая поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, по видимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говори о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго графомъ Ерихонскимъ. «Пускай нападетъ онъ,» говорилъ Ермоловъ, «на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, наиримѣръ на пашу, начальствовавшего въ Шумлѣ, и Паскевичъ пропасть.» Я передалъ Ермолову слова гр. Толстаго, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человеку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. «Можно бы было сберечь людей и издержки,» сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или думаетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіею Карамзина; онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорить онъ *con amore*. Нѣмцамъ досталось. «Лѣтъ черезъ 50» сказалъ онъ, «подумають, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами.» Я пробылъ у него часа два, ему было досадно что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говорить онъ, что отъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.»

Письмо князя Алексѣя Борисовича Куракина къ князю Ѳ. Н. Голицыну.

Милостивый Государь мой, князь Ѳеодоръ Николаевичъ!

Благосклоннымъ Вашего Сіятельства ко